

Биолаборатории США - часть 2: Украина - Гаити - Йозеф Менгеле

VoicefromRussia публикует статью профессионального журналиста Андре Влчека от 2012 года - эта статья настолько взрывоопасна, что ее почти "замели под ковер" - но только почти.

Рене Циттлау

сбт 06 мая 2023

Обзор первой части статьи

В [первой части статьи](#) я говорил о допросе сенатором Марком Рубио секретаря Госдепартамента Виктории Нуланд в Конгрессе США по поводу американских лабораторий по разработке химического и биологического оружия в Украине.

США и Украина входят в число государств, подписавших и ратифицировавших Конвенцию о химическом оружии и Конвенцию о биологическом оружии.

"Состояние журналистики вызывает тревогу".

Согласно этим международным договорам, имеющим обязательную силу, существование таких лабораторий, независимо от страны нахождения, является нарушением закона и, следовательно, незаконным.

Почему я публикую статью 11-летней давности?

То, что мы должны вынести из слов Андре Влчека, очевидно: состояние журналистики в целом вызывает тревогу, и мы, читатели, практически обязаны подвергать тщательному сомнению все, что нам преподносят СМИ. Необходимость этого была неоднократно доказана на страницах этого блога. Влчек доказывает, что эта проблема тоже далеко не нова.

Кто такой Андре Влчек?

Андре Влчек - Источник: РИА Новости

Андре Влчек (родился в 1963 году, умер в 2020 году) был американским философом, романистом, режиссером и журналистом-расследователем, родом из Ленинграда. Он освещал войны и конфликты в десятках стран. Посмотрите

"Руандийский гамбит", его новаторский документальный фильм о Руанде и Демократической Республике Конго. Вместе с Ноамом Хомским он написал книгу "Терроризм западного мира" или "О западном терроризме".

Гаити 1997

Имя Андре Влчека неизвестно широкой публике. Этот журналист, автор книг и режиссер считал себя в классическом смысле военным журналистом, что означает, что он проводил собственные расследования на местах, будь то в Восточном Тиморе, Кении, Руанде или Латинской Америке.

Около двух лет назад я наткнулся на его статью, в которой он описывал эпизод, пережитый им на Гаити. То, что я прочитал, повергло меня буквально в шок.

Невольно вспоминаешь о Франкенштейне, о том, что существует только в воображении некоторых людей. Я прочитал еще раз и понял, что имя, которое наиболее близко к этому сумасшествию - Йозеф Менгеле.

Итак, давайте прочитаем, что Андре Влчек сказал в 2012 году о Гаити и состоянии журналистики как важнейшей части дебатов о состоянии общества:

Смерть независимой журналистики

АНДРЕ ВЛЧЕК

Пятнадцать лет назад мои гаитянские друзья организовали для меня поездку в *Cite Soleil* – самый большой и самый жуткий в Западном полушарии район трущоб в пригороде Порт-о-Пренса. Все было очень просто – меня с камерой *F-4* разместили на пикапе. Водитель и два охранника пообещали двухчасовую поездку по всему району, чтобы я смог сделать снимки. Мы договорились, что я должен стоять на машине, но как только мы приехали, я не смог удержаться, чтобы не спрыгнуть с машины – я стал бродить по району, фотографируя все, что попадало в объектив камеры. Охранники отказались идти за мной, а когда я вернулся к перекрестку – машины там уже не было. Позже мне сказали, что водитель просто побоялся стоять в этом районе.

Об этом районе говорили, что туда легко попасть, но можно не вернуться. Я тогда был еще молодым, энергичным и слегка безбашенным. Я побродил по району пару часов, и никто не чинил мне никаких препятствий. Местные жители несколько изумленно смотрели, как я брожу с большой профессиональной камерой в этом районе. Кто-то вежливо улыбался, кто-то приветливо махал рукой, некоторые даже

благодарили. Затем я заметил два американских военных джипа с установленными на них пулеметами. Перед джипами собралась толпа голодных местных жителей – они стояли в очереди, чтобы попасть на территорию, огороженную высокими стенами. Американские солдаты тщательно осматривали всех, решая кого пустить, а кого нет. Меня они осматривать не стали, и я спокойно прошел внутрь. Один из солдат даже ехидно оскалился в мой адрес. Однако, то, что я увидел внутри было не так уж и забавно: гаитянка средних лет лежала на животе на операционном столе. На спине у нее был сделан надрез и американские военные врачи и медсестры копошились в ее теле со скальпелями и зажимами.

– Что это они делают? – спросил я мужа этой женщины, который сидел рядом, закрыв лицо руками.

– Опухоль удаляют – прозвучал ответ.

Повсюду летали мухи и насекомые покрупнее (я таких раньше и не видел). Зловоние невыносимое – болезнь, открытая рана, кровь, запах дезинфицирующих средств...

– Мы здесь тренируемся – отрабатываем сценарий в условиях, приближенных к боевым – объяснила медсестра – ведь Гаити, как никакое другое место, близко к условиям, напоминающим боевые.

– Ну, это же, все-таки, люди, милочка – попытался возразить я. Но она прервала меня.

– Если бы мы не приехали, они бы умерли. Так что, как бы то ни было, мы же им помогаем.

Все что мне оставалось, это только снять саму операцию. Здесь не использовалось диагностическое оборудование, позволяющее определить, какого именно рода опухоль у пациентки. Никаких рентгеновских снимков. Я подумал, что животных в ветеринарных клиниках в США, все-таки, лучше лечат, чем этих несчастных гаитян.

Женщина на операционном столе стонала от боли, но не смела жаловаться. Ее оперировали лишь под местной анестезией. После операции, рану зашили и наложили повязку.

– И что теперь? – спросил я мужа женщины.

– Сядем в автобус и поедem домой.

Женщине пришлось самостоятельно вставать со стола и идти, опершись о плечо мужа, который нежно ее поддерживал. Я не верил своим глазам: пациент должен встать и идти после того, как ему вырезали опухоль.

Я познакомился и с американским военным врачом – он провел меня по территории и показал палатки для американских солдат и обслуживающего персонала из контингента, развернутого на Гаити. Там работали кондиционеры, все буквально вылизано – нигде ни пятнышка. Для американского персонала здесь есть свой госпиталь с операционной и всем необходимым оборудованием – но он стоял пустой. Комфортабельные койки были никем не заняты.

– А почему тогда вы не позволяете гаитянским пациентам после операции оставаться здесь?

– Не положено – ответил врач.

– Получается, что вы используете их в качестве подопытных кроликов, разве нет?

Он не ответил. Возможно, посчитал мой вопрос лишь риторическим. Вскоре мне удалось найти машину и уехать.

***

Мне так и не удалось опубликовать материал об этой истории. Разве что в одной из пражских газет. Я посылал фото в *New York Times* и *Independent* – но ответа так и не получил.

Потом, через год, я уже не был так удивлен, когда, попав на забытую богом военную базу индонезийских войск в оккупированном Восточном Тиморе, я вдруг со связанными руками был подвешен к потолку. Вскоре, однако, меня освободили со словами: «А мы и не знали, что ты такая шишка» (обыскав меня, они нашли бумаги австралийской телерадиокомпании *ABC News*, в которых значилось, что я провожу по ее заданию исследование в качестве «независимого продюсера»). Но затем мне долго не удавалось найти какие-либо западные масс-медиа, которые заинтересовались бы репортажем о зверствах и насилии, которое до сих пор чинят индонезийские военные по отношению к незащищенному населению Восточного Тимора.

Уже впоследствии Ноам Хомски и Джон Пилджер объяснили мне принципы работы западных масс-медиа – «свободной западной прессы». Их можно резюмировать следующим образом: «Лишь те зверства и преступления, которые можно использовать в собственных геополитических и экономических интересах следует

считать действительно преступлениями – лишь о них можно давать репортажи и анализировать в СМИ». Но в данном случае, я хотел бы взглянуть на эту проблему под иным углом.

***

В 1945-м на страницах «*Express*» появился следующий репортаж:

АТОМНАЯ ЧУМА

«Это предупреждение миру».

ВРАЧИ ПАДАЮТ ОТ УСТАЛОСТИ

Все опасаются газовой атаки и носят противогазы.

Репортер *Express* Бэрчет первым среди репортеров из стран союзников проник в подвергшийся атомной бомбардировке город. Он проехал 400 миль от Токио один и без оружия (это было не совсем так, но *Express* могла об этом не знать), всего лишь с семью сухпайками (так как достать продукты в Японии было почти невозможно), черным зонтиком и печатной машинкой. Вот его репортаж из Хиросимы.

ХИРОСИМА. Вторник.

Прошло 30 дней после потрясшей весь мир атомной бомбардировки Хиросимы. Странно, но люди продолжают умирать в мучениях, причем даже те, кто не пострадал непосредственно при взрыве. Они умирают от чего-то неизвестного – я могу определить это лишь, как некую атомную чуму. Хиросима выглядит не так, как обычный город, подвергшийся бомбардировке – она выглядит так, словно бы здесь проехался гигантский паровой каток, уничтожая все на своем пути. Я стараюсь писать, как можно более беспристрастно, в надежде, что одни лишь факты послужат предупреждением всему миру. Первое наземное испытание атомной бомбы вызвало такое опустошение, какого я нигде не видел за четыре года войны. По сравнению с бомбардировкой Хиросимы полностью разбомбленный тихоокеанский остров выглядит просто раем. Ни одна фотография не в состоянии передать весь масштаб разрушений.

В репортаже Бэрчета не было ни ссылок, ни цитат. Он приехал в Хиросиму, вооруженный лишь парой глаз, парой ушей, фотокамерой и стремлением показать без прикрас самую отвратительную страницу в истории человечества.

Журналистика тогда была страстью, подлинным увлечением таких репортеров. От военкора требовалось бесстрашие, четкость и быстрота. Желательно также, чтобы он был действительно независимым.

И Бэрчет был одним из таких. Наверное, он был даже одним из лучших военкоров своего времени, хотя и ему пришлось заплатить свою цену за независимость – его вскоре объявили «врагом австралийского народа». Австралийский паспорт у него отобрали.

Он писал о зверствах американских военных по отношению к корейцам во время Корейской войны. О жестокости командования американских войск к своим же солдатам (после того, как американских военнопленных обменяли, тем из них, кто осмеливался впоследствии говорить о гуманном отношении к ним со стороны китайцев и корейцев, усиленно промывали мозги, либо подвергали пыткам). Бэрчет писал репортажи о мужественности вьетнамского народа, сражавшегося за свою свободу и свои идеалы против сильнейшей армии мира.

Примечательно, что, несмотря на то, что он был вынужден жить в изгнании и несмотря на травлю в рамках «охоты на ведьм», многие издания в те дни все же соглашались печатать и оплачивать его репортажи. Очевидно, что в те дни цензура еще не была абсолютной, а масс-медиа не настолько консолидированы. Не менее примечательно, что ему не приходилось как-то обосновывать то, что видели его глаза. Его репортажи очевидца сами служили основой для выводов. От него не требовалось цитировать бесчисленное количество источников. Ему не требовалось ориентироваться на мнение других. Он лишь приезжал на место, общался с людьми, приводил их высказывания, описывал контекст событий и публиковал репортаж.

Не было необходимости цитировать, что некий профессор Грин, сказал, что идет дождь – когда Бэрчет итак знал и видел, что идет дождь. Не было необходимости цитировать профессора Брауна, сказавшего, что морская вода соленая, если это итак очевидно. Сейчас это практически невозможно. Весь индивидуализм, вся страстность, интеллектуальное мужество «изгнаны» из репортажей в масс-медиа и документалистики. Репортажи более не содержат манифестов, никаких «Я обвиняю». Они приглажены и сдержаны. Их делают «неопасными» и «никого не оскорбляющими». Они не провоцируют читателя, не посылают его на баррикады.

***

В масс-медиа произошла монополизация освещения самых важных и взрывоопасных тем, таких как: войны, оккупации, ужасы неоколониализма и рыночного фундаментализма.

Независимых репортеров сейчас практически не нанимают. Своих же штатных репортеров сначала долго «проверяют» и даже их общее количество сейчас гораздо меньше, чем несколько десятков лет назад. В этом, конечно, есть определенная логика.

Освещение конфликтов является ключевым моментом в «идеологической битве» – и механизм пропаганды режима, навязанного западными странами всему миру, полностью контролирует процесс освещения конфликтов на местах. Конечно, было бы наивно думать, что мейнстрим-медиа не являются частью системы.

Для того чтобы понять суть всего происходящего в мире, необходимо знать и о судьбах людей, обо всех кошмарах, что происходят в зонах военных действий и конфликтов, где колониализм и неоколониализм показывает свои острые зубы. Когда я говорю о «зонах конфликта», я имею в виду не только города, которые бомбят с воздуха и обстреливают артиллерией. Есть «конфликтные зоны», где тысячи (иногда и миллионы) человек умирают в результате введения санкций или от нищеты. Это могут быть и внутренние конфликты, раздуваемые извне (как ныне в Сирии, например).

Раньше самые лучшие репортажи из зон конфликтов делали независимые репортеры – в основном из разряда прогрессивных писателей и независимых мыслителей. Репортажи и фото, демонстрирующие ход военных действий, свидетельства переворотов, рассказы о судьбах беженцев были в ежедневном меню обывателя в странах-виновницах конфликтов – они подавались ему вместе с вареными яйцами и овсянкой к завтраку.

В какой-то период, преимущественно благодаря таким независимым репортерам общественность на западе узнавала о происходящем в мире.

Гражданам Империи (Северная Америка и Европа) некуда было спрятаться от реальности. Топ-писатели и западные интеллектуалы рассказывали о ней в прайм-тайм на телевидении, где демонстрировались и шоу о терроре, чинимом военными этих стран во всем мире. Газеты и журналы регулярно бомбардировали аудиторию репортажами, направленными против истеблишмента. Студенты и рядовые граждане ощущали солидарность с жертвами войн в странах третьего мира (это было до того, как они слишком увлеклись *Facebook*, *Twitter* и прочими социальными сетями, умиротворившими их, позволяя кричать в смартфонах, вместо того, чтобы громить деловые центры своих городов). Студенты и рядовые граждане, воодушевленные такими репортажами выходили на марши протеста, строили баррикады и напрямую сражались с силами безопасности на улицах.

Многие из них, прочитав эти репортажи, посмотрев отснятое видео, уезжали в страны Третьего мира – но не для того, чтобы загорать на пляже, а чтобы собственными глазами увидеть условия жизни жертв колониальных войн. Многие (но далеко не все) из этих независимых журналистов были марксистами. Многие были просто замечательными писателями – энергичными, страстными, но не являвшимися приверженцами определенной политической идеи. Большинство из

них на самом деле никогда и не претендовало на то, чтобы быть «объективными» (в том смысле этого слова, что был нам навязан современными англо-американскими масс-медиа, предполагающем цитирование разносторонних источников, которое с подозрительным постоянством приводит к однообразным выводам). Репортеры того времени в основном не скрывали своего интуитивного неприятия империалистического режима.

Несмотря на то, что тогда процветала и обычная пропаганда, распространявшаяся хорошо оплачиваемыми (а следовательно, выдрессированными) репортерами и учеными, существовала и масса независимых репортеров, фотографов и режиссеров, которые героически служили всему миру, создавая «альтернативный нарратив».

Среди них были те, кто решил сменить печатную машинку на оружие – как Сент-Экзюпери или Хэмингуэй, проклиная испанских фашистов в репортажах из Мадрида, а впоследствии поддержавший кубинскую революцию (в том числе и финансово). Среди них был и Андре Мальро, которого арестовывали французские колониальные власти за освещение событий в Индокитае (впоследствии ему удалось издавать журнал, направленный против политики колониализма). Можно вспомнить и Оруэлла с его интуитивным отвращением к колониализму. Позже появились и такие мастера военной журналистики, как Рышард Капустинский, Уилфред Бэрчет и, наконец, Джон Пилджер.

Говоря о них, нужно учитывать и еще одну важную особенность в их работе (как и в работе сотен таких же репортеров): у них была хорошо налажена взаимопомощь, и у них было на что жить, путешествовать по миру. Они могли продолжать работать за счет гонораров от своих репортажей – а то, что эти репортажи были напрямую направлены против истеблишмента, не играло особой роли. Написание статей и книг являлось достаточно серьезной, уважаемой и вместе с тем увлекательной профессией. Работа репортера считалась оказанием неоценимых услуг всему человечеству, и репортерам не было необходимости заниматься попутно преподавательской деятельностью или еще чем-нибудь, чтобы свести концы с концами.

***

За последние пару десятков лет все резко изменилось.

Сейчас мы словно бы живем в мире, описанном Рышардом Капустинским в «Футбольной войне».

В частности, я имею в виду то место, где речь идет о Конго – стране, которую в течение длительного времени грабили бельгийские колонизаторы. При бельгийском короле Леопольде II в Конго были убиты миллионы человек. В 1960-м Конго провозглашает независимость – и тут же здесь высаживаются бельгийские парашютисты. В стране начинается «анархия, истерия, кровавая бойня».

Капустинский находится в это время в Варшаве. Он желает отправиться в Конго (Польша выдает ему валюту, необходимую для поездки), но у него польский паспорт – а в то время, как бы в доказательство «верности» Западу принципам свободы слова «всех граждан социалистических стран просто выбрасывали из Конго». Поэтому Капустинский сначала летит в Каир, здесь к нему присоединяется чешский журналист Ярда Бучек, и вместе они решают отправиться в Конго через Хартум и Джубу.

«В Джубе нам придется купить автомобиль, а дальше... большой вопросительный знак. Целью экспедиции является Стэнливилль (сейчас город Кисангани – прим. перев.), столица восточной провинции Конго, куда бежали остатки правительства Лумумбы (сам Лумумба уже был арестован и правительство возглавлял его друг Антуан Гизенга).

Ярда указательным пальцем ведет по ленте Нила на карте. На какой-то точке его палец на мгновение замирает (там нет ничего страшного, кроме крокодилов, но там начинаются джунгли), затем он ведет на юго-восток и выводит на берега реки Конго, где кружок на карте обозначает «Стэнливилль». Я говорю Ярде, что намерен принять участие в экспедиции и у меня есть официальное указание пробраться туда (на самом деле это ложь). Ярда кивает в знак согласия, но предупреждает, что это путешествие может стоить мне жизни (он, как оказалось впоследствии, был не так уж и далек от истины). Он показывает мне копию своего завещания (оригинал он оставил в посольстве). Я делаю то же самое».

О чем говорит этот отрывок? О том, что два предприимчивых и мужественных репортера были намерены поведать миру об одной из величайших фигур в истории борьбы Африки за независимость – о Патрисе Лумумбе, который вскоре был убит стараниями бельгийцев и американцев (Убийство Лумумбы фактически ввергло Конго в состояние хаоса, длящегося по сей день). Они не были уверены в том, что им удастся вернуться живыми, но четко сознавали, что их работа будет по достоинству оценена у них на родине. Они рисковали своей жизнью, проявляли все чудеса изобретательности, чтобы добиться своей цели. И, кроме того, они просто замечательно писали. А «обо всем остальном заботились уже другие люди».

Все то же самое касается и Уилфреда Бэрчета, и массы других мужественных репортеров, не побоявшихся давать независимое освещение Вьетнамской войны. Именно они буквально молотили по общественному сознанию Европы и Северной Америки, лишая пассивную прослойку мейнстрим-обывателей возможности заявить, что они, дескать, «ничего не знали».

Но эра таких независимых журналистов длилась недолго. Масс-медиа и все те, кто формирует общественное мнение, вскоре осознали, какую опасность для них представляют такие репортеры, порождая диссидентов, ищущих альтернативные источники информации – и, в конце концов, подрывающие сами устои режима.

Когда я читаю Капустинского, то непроизвольно провожу ассоциации и со своей работой в Конго, Руанде и Уганде.

В Конго сейчас происходят одни из наиболее драматических событий в мире. От шести до десяти миллионов человек здесь уже стали жертвами алчности стран Запада и их неумного желания контролировать весь мир. Сам ход истории словно бы обращается здесь вспять – по мере того, как местные диктаторы, полностью поддерживаемые США и Великобританией, уничтожают местное население и грабят богатства Конго в угоду интересам западных компаний.

И когда бы мне ни приходилось рисковать своей жизнью, в какую бы дыру меня забрасывало (даже в такую, из которой, вполне вероятно, можно и не вернуться), меня всегда тревожит скорее ощущение, что у меня нет «базы», где ждали бы моего возвращения и оказывали бы мне поддержку. Мне всегда удается выбраться лишь благодаря ооновскому удостоверению, производящему на тех, кто меня арестовывает (но не на меня самого) весьма внушительное впечатление. Но моя работа, мои журналистские расследования, съемки фильмов не гарантируют никакой отдачи. Меня сюда никто не посылал. Никто не оплачивает мою работу. Я один и сам за себя.

Когда Капустинский возвращался домой, его встречали, как героя. Сейчас, пятьдесят лет спустя, те из нас, кто продолжает выполнять ту же работу – всего лишь отверженные.

***

В какой-то период большинство крупных изданий и телеканалов перестали полагаться на слегка безбашенных, мужественных и независимых «фрилансеров» и стали пользоваться услугами штатных репортеров, сделав их корпоративными служащими. Как только произошел подобный «переход» на другую форму занятости, этих «служащих», которые все еще продолжали называться

«журналистами», уже не трудно было дисциплинировать, указывая, что им писать, а что лучше обойти стороной, и как именно подавать события. Хотя об этом открыто не говорится, но персонал медиа-корпораций и без того все понимает на интуитивном уровне.

Гонорарные фонды фрилансеров – независимых журналистов, фотографов и продюсеров фильмов – были существенно урезаны или вообще исчезли.

Многие фрилансеры были вынуждены искать постоянную работу. Другие стали писать книги, в надежде хотя бы таким образом донести информацию до читателя. Но вскоре им тоже сказали, что «в наши дни нет денег на издание книг».

Оставалось только заниматься «преподавательской деятельностью». Отдельные университеты еще принимали этих людей и терпели инакомыслие в определенных рамках, но платить за это приходилось смирением: бывшие революционеры и диссиденты могли преподавать, но им не позволялось проявлять эмоции – более никаких манифестов и призывов к оружию. Они были обязаны «придерживаться фактов» (поскольку сами факты уже подавались в должном виде). Они были вынуждены бесконечно повторять мысли своих «влиятельных» коллег, переполнять свои книги цитатами, индексами и с трудом перевариваемыми интеллектуальными пируэтами.

И вот мы вступили в эру Интернета. Возникли и поднялись тысячи сайтов – хотя при этом закрылась масса альтернативных и левых изданий. Сначала эти перемены вызвали массу надежд, подняли волну энтузиазма – но вскоре стало понятно, что режим и его масс-медиа лишь консолидировали контроль над умами. Основные поисковики выводят на первые страницы результатов поиска преимущественно правые мейнстримные новостные агентства. Если человек не знает конкретно, что именно он ищет, если он не имеет хорошего образования, если он не определился со своим мнением, то у него немного шансов попасть на сайты, освещающие мировые события с альтернативной точки зрения.

В наше время большинство серьезных аналитических статей пишутся бесплатно – для авторов это стало чем-то вроде хобби.

Слава военкоров канула в Лету. Вместо радости приключений, совершаемых в поисках истины – лишь «безмятежность», общение в соцсетях, развлечение, хипстеризм. Наслаждение легкостью и безмятежностью было изначально уделом граждан Империи – безмятежностью наслаждались граждане колониальных стран и коррумпированные (не без помощи Запада) представители элиты в удаленных колониях. Думаю, что нет необходимости повторять, что большинство населения мира погружено в не столь легкую реальность, проживая в трущобах и обслуживая

экономические интересы колониальных стран. Они вынуждены выживать под гнетом диктатур, сначала насаждаемых, а затем бесстыдно поддерживаемых Вашингтоном, Лондоном и Парижем. Но сейчас даже те, кто умирает в трущобах «присели» на наркотик развлечений и безмятежности, – стараясь забыться и не обращать внимание на попытки серьезного анализа причин их положения.

***

Таким образом, те независимые журналисты, которые еще продолжали бороться – военкоры, учившиеся на работах Бэрчета и Капустинского, – утратили, как свою аудиторию, так и средства, позволявшие им продолжать работу.

Ведь в действительности, освещать реальные военные конфликты – удовольствие не из дешевых, особенно если освещать их тщательно и детально. Приходится сталкиваться с резким подорожанием билетов на редкие чартерные рейсы в зону конфликтов. Приходится таскать на себе все оборудование. Приходится постоянно давать взятки, чтобы пробраться на фронт военных действий. Приходится постоянно менять планы, сталкиваясь с задержкой то там, то здесь. Необходимо улаживать вопросы с разного рода визами и разрешениями. Необходимо общаться с массой людей. И, в конце концов, тебя могут ранить.

Доступ в зону воны военных действий сейчас контролируют даже тщательней, чем во времена Вьетнамской войны. Если десять лет назад мне еще удавалось пробраться на линию фронта в Шри-Ланке, то вскоре о новых попытках пробраться туда же пришлось забыть. Если в 1996-м мне удалось пробраться с контрабандным грузом на Восточный Тимор, то сейчас многих из независимых репортеров, которые все-таки пробираются в Западную Папуа (где Индонезия под одобрение стран Запада устроила еще один геноцид), арестовывают, заключают в тюрьму и затем депортируют.

В 1992-м я освещал войну в Перу – и, хотя у меня была аккредитация перуанского МИДа, но лишь от меня зависело, остаться в Лиме или отправиться в Аякучо, прекрасно сознавая, что по дороге боевики «Сендеро Луминосо» легко могут прострелить мне голову (что, кстати, едва не случилось).

Но в наши дни почти невозможно попасть в зону боевых действий в Ираке, Афганистане или в любую другую страну, оккупированную американскими и европейскими военными – особенно, если твоей целью является расследование преступлений против человечества, совершенных западными режимами.

Честно говоря, в наши дни вообще сложно куда-либо пробраться, если ты не «прикомандирован» (что, по сути, означает: ты позволяешь им делать их работу, а они позволяют тебе писать – но только, если ты пишешь то, что тебе скажут). Для того чтобы репортеру позволили освещать ход военных действий, ему нужно иметь за спиной какие-либо крупные мейнстримные издания или организации. Без этого сложно получить аккредитации, пропуск, и гарантии последующей публикации его репортажей. Независимых репортеров обычно считают непредсказуемыми – и потому не жалуют.

Конечно, возможности просочиться в зоны военных действий все еще существуют. И те из нас, у кого за плечами многолетний опыт, знают, как это делать. Но лишь представьте себе: вы на линии фронта сами за себя, вы доброволец и нередко пишете бесплатно. Если вы не являетесь весьма состоятельным человеком, который желает потратить свои средства на свое творчество, то вам лучше все-таки анализировать происходящее «на расстоянии». Именно этого и хочет режим – чтобы не было никаких репортажей «из первых рук» со стороны левых; чтобы держать левых на расстоянии и не дать им возможности четко представить картину происходящего.

***

В дополнение к бюрократическим барьерам, с помощью которых режим затрудняет немногим независимым репортерам работу в зонах конфликтов, существуют и финансовые барьеры. Практически никто, кроме репортеров мейнстримных СМИ, не может себе позволить оплачивать услуги водителей, переводчиков, посредников, которые помогают улаживать возникающие с местными властями проблемы. К тому же, корпоративные медиа серьезно подняли расценки на подобного рода услуги.

В результате противники неоколониального режима проигрывают в медиа-войне – они не могут получать и распространять информацию непосредственно с мест событий – оттуда, где Империя продолжает вершить геноцид, совершая преступления против человечества. Как я уже говорил, сейчас из этих зон уже не поступает непрерывного потока фотоотчетов и репортажей, которые смогли бы упорно бомбардировать сознание населения в странах-виновницах этих преступлений. Поток подобных репортажей иссякает и уже не в состоянии вызвать тот шок и гнев общественности, которые помогли когда-то остановить Вьетнамскую войну.

Последствия этого очевидны: европейская и североамериканская общественность в целом практически ничего не знает о всех тех кошмарах, что творятся в разных частях земного шара. И в частности, о жесточайшем геноциде народа Конго. Еще одной болевой точкой является Сомали, и беженцы из этой страны – около

миллиона сомалийских беженцев сейчас буквально гниют в переполненных лагерях в Кении. Именно о них я снял 70-минутный документальный фильм [«Полет над Дадаабом»](#).

Невозможно найти слова, способные описать весь цинизм израильской оккупации Палестины – но общественность в США неплохо кормят «объективными» репортажами, поэтому она в массе своей «умиротворена».

Сейчас пропагандистская машина, с одной стороны, ведет мощную кампанию против стран, стоящих на пути западного колониализма. С другой стороны, преступления против человечности, совершаемые странами запада и их союзниками (в Уганде, Руанде, Индонезии, Индии, Колумбии, на Филиппинах и др.) – практически не освещаются.

Миллионы человек стали беженцами, сотни тысяч погибли из-за геополитических маневров на Ближнем Востоке, в Африке, да и повсюду. Очень немного объективных репортажей рассказывали о происходившем в 2011-м году гнусном уничтожении Ливии (и его нынешних последствиях). Сейчас точно так же «кипит работа» по свержению правительства Сирии. Практически не поступают репортажи о том, как «лагеря беженцев» в Турции на сирийской границе используются в качестве базы для финансирования, вооружения и подготовки сирийской оппозиции – хотя несколько ведущих турецких журналистов и режиссеров детально освещали данную тему. Думаю, нет нужды говорить, что независимым западным репортерам почти невозможно попасть в эти лагеря – как объяснили мне недавно мои турецкие коллеги.

***

Несмотря на то, что существуют такие замечательные ресурсы, как *CounterPunch*, *Z*, *New Left Review*, массе «бездомных» независимых военкоров необходимо больше таких ресурсов, которые они могли бы считать своим «домом», своей медиа-базой. Существует множество различных видов оружия, которые можно применять в борьбе против империализма и неоколониализма – и работу репортера можно отнести к их числу. Поэтому режим пытается выдавить независимых репортеров, ограничить саму возможность их работы – так как без знания реальности происходящего невозможно и объективно анализировать ситуацию в мире. Без репортажей и фотоотчетов невозможно воспринять всю глубину того безумия, в которое загоняют наш мир.

Без репортажей независимых журналистов граждане будут и дальше ржать в залах для развлечений или играть с электронными гаджетами, не замечая поднимающегося на горизонте дыма пожарищ. А в будущем, когда их напрямую

спросят, они смогут снова сказать (как это часто бывало в истории человечества):

«А мы ничего не знали».

Итог

То, что процитированная история из Гаити имеет отношение к американским лабораториям по производству био- и химического оружия, очевидно. Это по-своему доказывает, что не случайно то, чем занимаются США в Украине, Грузии, Казахстане и многих других странах в плане медицинских исследований, которые могут быть использованы в военных целях. У этого безумия есть свой метод, ужасный метод, и он не сулит ничего хорошего для будущего.

Тот факт, что статья не нашла отклика, не является ни совпадением, ни неожиданностью.

Что мы должны вынести из этого, не побоюсь сказать, наследия журналистского расследования Андре Влчека, опубликованного уже 11 лет назад, очевидно: состояние журналистики в целом вызывает тревогу, и мы, читатели, практически обязаны подвергать тщательному сомнению все, что нам преподносят СМИ.

ТЕГИ СТАТЬИ:

Анализ Рубио, Марко Витчек, Андре Украина Гаити Менгеле, Йозеф НАТО
ABC News Нью-Йорк Таймс